Секция «История социально-политических учений России»

Исторические и социально-политические предпосылки создания контрпропаганды в Российской империи

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Маргушева Алина Зауровна
Студент (магистр)
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия
E-mail: alinamankunian@gmail.com

Возникновение необходимости в создании специального правительственного штаба с целью осуществления контроля печатного пространства за рубежом следует рассматривать с учетом целого ряда обстоятельств по двум направлениям: внутренней и внешней политики.

Отечественная война 1812 года и последовавшие за ней Заграничные походы русской армии 1813[U+2012]1814 гг. породили своеобразный исторический парадокс. Превратившись в масштабное народно-освободительное движение, которое должно было упрочить веру людей в силу монарха и существующего политического режима, антинаполеоновская кампания, приоткрыв российским передовым умам завесу в Европу и позволив обнаружить перспективу конституционного переустройства государства, наоборот, повернула настроения дворянских кругов Российской империи в либерально-демократическое русло. В течение последующего десятилетия в столице стали возникать тайные сообщества: «Союз Спасения», «Союз Благоденствия», Северное и Южное тайные общества, «Общество соединенных славян», каждое из которых ставило целью разработку нового проекта государственного переустройства России, во многом по образцу Конституционной Хартии 1814 года, дарованной королем Людовиком XVIII населению Франции. По выражению Н.А. Бердяева, Россия на тот период была «покрыта тайными обществами, подготовлявшими политический переворот» [1, с.32].

Активная преобразовательная инициатива, исходившая от дворянских организаций, вылилась в попытку государственного переворота 14 декабря 1825 года. По меткому выражению М.К. Лемке, «14-е декабря 1825 года было днем, когда судьба николаевской России решилась твердо и надолго» [2, с.9] Утраченное доверие к высшим слоям дворянства объяснялось тем, что их действия, по мнению императора, способствовали проникновению в Россию «революционного духа», царившего в Европе. Контрреволюционная линия политического курса определяла характер большинства принимаемых императором решений и сказывалась на расширении аппарата управления и учреждении новых правительственных органов и подконтрольных служб.

Центральным событием в ряду внутриполитических дел России в условиях антиреволюционного пафоса 1820-х гг. стало создание императором Николаем I в 1826 году III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее — III Отделения). Отчеты III Отделения, которые по примеру других ведомств ежегодно предоставлялись императору, показывают, что круг обязанностей штата этого учреждения был чрезвычайно шире в сравнении с тем, что было закреплено юридическими нормами [5]. По свидетельству М.К. Лемке, «не было стороны в русской жизни, которая бы избегла контроля и влияния неудобозабываемого учреждения» [2, с. 16]. Перечень неофициальных полномочий по большей части относился к сфере сбора информации об отношении населения к власти и влиянии на это отношение в желательном для власти направлении [6, с. 3].

Если общественное мнение в России постепенно приобретало, хоть и смутные, но очертания, то в лице самого «общества» выступало не все население, а его небольшая часть, представленная высшими слоями, обсуждавшими вопросы социально-политической проблематики и распространявшими мнения, не совпадавшие с позицией власти, главным образом через салоны, кружки, литературные общества. Однако необходимо отметить параллельную тенденцию роста уровня грамотности и образования населения России в первой половине XIX века, что закономерно приводило к росту читательской аудитории. М.П. Погодин характеризует общий подъем читательского интереса следующим образом: «. . . газет печатается гораздо большее количество экземпляров, нежели прежде; сидельцы и дворовые люди, приходящие за ними по середам и субботам в университетскую книжную лавку, собираются кружками и читают их на улице, прежде своих хозяев» [3, с. 133].

Этим во многом объясняется усиленное внимание и контроль за печатными изданиями со стороны властей, выливавшиеся в целенаправленное стремление руководить процессом формирования общественного мнения и направлять его в благоприятное для власти русло. По этому поводу издатель газеты «Северная пчела» Н.И. Греч писал: «Журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов, и к распространению полезных мыслей. У нас, кажется, еще не пользовались сим средством» [6, с. 27].

Для реализации обозначенных целей наряду с учреждением III Отделения была усилена функция осуществления цензуры, которая, по утверждению современного исследователя, «стала для России своеобразным диспозитивом (т.е. порядком — А.М.), в котором выразились парадоксальные отношения, установившиеся в российском обществе между индивидуальностью, дискурсом, истиной и принуждением» [7, с. 118].

Наряду с преследованием различного рода проявлений революционных настроений, еще одним немаловажным поводом к созданию разветвленной заграничной сети российской внешней разведки и контрразведки послужило восстание в Польше, вспыхнувшее в ноябре 1830 года. Это восстание, проходившее под лозунгом национального освобождения, было подавлено русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Одним из его последствий стала массовая эмиграция из Польши его участников, членов их семей и тысяч других поляков, развернувших по всей Европе антирусскую кампанию, которая была охотно поддержана прессой в большинстве европейских стран. В значительной степени именно польские беженцы создавали России крайне неблагоприятный образ душителя свобод и очага деспотизма, угрожающего «цивилизованной Европе» [4, с. 195].

Все вышеперечисленные и тесно связанные между собой факторы приводили к необходимости борьбы с «внутренними и внешними врагами» и не оставляли императору возможности оставаться безучастным к появлению новых вызовов и усилению старых угроз. Одним из важнейших предпринятых властью шагов по характеру исполнения и эффективности в реализации обозначенных целей, а именно: сохранения представлений о нерушимости легитимности власти российского императора в общественном сознании, как в России, так и в европейских странах, подавление революционных настроений в России, борьба с устойчивыми мифологемами о «варварской» России, распространившимися на Западе, и стала организация заграничной агентуры и зарубежных филиалов III Отделения. Контрпропаганда, являясь по своей сути ответным распространением фактов и их интерпретаций, должна была производиться на основе единого идейного корпуса и служить общей идеологической схеме.

Источники и литература

1) Бердяев Н.А. Русская идея. [U+2015] М.: АСТ Фолио, 2004. [U+2015] 615 с.

2) Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826[U+2012]1855 гг. 2-е изд. [U+2015] СПб.: Типография А.В. Орлова, 1909. [U+2015] 614 с.

3) Погодин М.П. Письмо о русских романах // «Северная лира на 1827 год» / Подготовка издания Т.М. Гольц, А.Л. Гришунин; отв. ред. А.Л. Гришунин. — М.: Наука, 1984. [U+2015] С. 133–134.

4) Россия и Франция. XVIII[U+2012]XX века. Вып. 8 / Отв. ред. П.П. Черкасов. [U+2015] М.: Наука, 2008. [U+2015] 364 с.

5) Россия под надзором. Отчеты III Отделения (1827[U+2012]1869). Сборник документов / Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова; гл. ред. А.Л. Налепин [U+2015] М.: Российский фонд культуры; «Российский архив», 2006. [U+2015] 706 с.

6) Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение. (1826[U+2012]1855) — Прага: «Research Support Scheme», 2000. — 61 с.

7) Чубаров И.М. Власть, знание и цензура (Россия, XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. [U+2015] 2013. [U+2015] № 10. [U+2015] С. 117[U+2012]124.